

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

Е. И. Лубо-Лесниченко

ФАРФОРОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ХАРА-ХОТО

Коллекция керамики, привезенная из Хара-Хото экспедициями П. К. Козлова (1908, 1909 и 1926 гг.), весьма значительна и составляет более половины харахотинского собрания, хранящегося в Эрмитаже (1911 единиц из общего количества 3654). В настоящее время о точном месте или условиях находки того или иного изделия можно сказать очень мало. В лучшем случае известно, какой именно экспедицией привезен тот или иной фрагмент, да и то не всегда. Судя по кратким упоминаниям П. К. Козлова,— это в основном сборы с поверхности. Так, он пишет, что керамика в черте города находилась повсеместно, хотя главные находки были сделаны в районе фанз и кумирен [3, 78, 80]. Таким образом, керамика, представляя собой подъемный материал, в основном относится к последнему периоду существования города — ко времени монгольского владычества (1226—1372). Вместе с тем в коллекции встречаются отдельные фрагменты, относящиеся к тангутскому времени (начало XI в.— 1226 г.). Этот факт подтверждается данными китайских письменных источников, свидетельствующих о ввозе тангутами фарфора из Китая [1, 185].

Коллекция состоит почти из двух тысяч фрагментов и намного превосходит сборы экспедиций А. Стейна [32, 429—506] и Ф. Бергмана [31], вместе взятых; она дает яркую и достаточно полную картину керамического производства Юаньской империи. Анализ находок свидетельствует об угасании таких традиционных керамических изделий Северного Китая, как голубой или синий фарфор цзюньяо, тонкостенный белый фарфор диньяо и «северный селадон» — яочжоу. На сравнительно высоком техническом и художественном уровне продолжает оставаться лишь народная расписная керамика типа цычжоу. В то же время возрастает роль мастерских Цзиндэчжэня, их продукция в коллекции занимает примерно 40%. Значительную часть изделий из Цзиндэчжэня составляет фарфор с подглазурной росписью кобальтом. Эта группа, насчитывающая 520 фрагментов (около четверти всего собрания), вызывает особый интерес. Она дает богатый материал для одного из наименее изученных вопросов в истории фарфорового производства в Китае.

В результате усилий, предпринятых за последние 30 лет рядом западных, японских и китайских специалистов, постепенно выясняются вопросы датировки, стиля и сюжетов орнаментации, форм, техники и места производства ранних кобальтовых изделий. Библиография по этому вопросу насчитывает уже довольно много названий [26, 25]. Но до настоящего времени изучение раннего фарфора, расписанного кобальтом,— это одна из узловых проблем в изучении китайского фарфора, ждущая своего разрешения [12].

Первые этапы производства фарфора с росписью кобальтом — явление, типичное для многих процессов в истории материальной культуры Китая, возникновение его неясно, и мы можем наблюдать лишь его расцвет. Так, несмотря на чуть ли не полувековое изучение раннего фарфора с росписью кобальтом, вопросы о месте и времени его изготовления до сих пор остаются невыясненными. Достаточно сказать, что появление этой техники в Китае, по оценке различных исследователей, колеблется в пределах 300 лет — от XI до XIV в.

Существуют две группы источников, содержащие сведения по этому сложному вопросу: письменные источники и датированные памятники. Немногочисленные данные письменных источников о раннем фарфоре с росписью кобальтом дают очень запутанную картину. Обычно они содержат неточные сведения и, в свою очередь, требуют тщательной проверки. В истории изучения фарфора отмечено немало случаев, когда ошибки старых китайских авторов вводили на долгое время в заблуждение исследователей и требовалось много усилий для их исправления. Так, работы минского (1368—1644) и особенно цинского (1644—1911) времени обычно субъективны и в лучшем случае лишь отрывочно отражают состояние науки того времени, а главным недостатком ранних письменных источников XIII—XIV вв. является малое количество сведений и трудность их толкования.

Сказанное выше можно достаточно ярко проиллюстрировать двумя примерами.

Основным источником по изучению китайского фарфора служит книга «Тао шо» Чжу Яня, написанная в конце XVIII в. В нее было включено большое количество более ранних материалов. Перевод этой книги С. Бушелем, изданный в 1910 г., был основным источником для западных специалистов в течение многих лет [17]. В «Тао шо» при описании фарфора Сунской династии приводится хорошо известное специалистам высказывание книги «Гэ гу яо лунь» конца XIV в.: «Что касается императорского фарфора из Шаочжоу (т. е. Цзиндэчжэня), то масса его тонкая и маслянистая и узоры синего цвета; по сравнению с синим цветом изделий из Дин(ъяо) он лишь немного уступает им» [26, 38—39]. На основании этого текста был сделан вывод, что фарфор, расписанный кобальтом, появился в Китае еще в период Северной Сун и местом возникновения его был, вероятно, Динчжоу, а не Цзиндэчжэнь.

Д. Поуп, произведя критический разбор «Тао шо», установил, что в оригинальном тексте «Гэ гу яо лунь» этого отрывка нет. Отсюда Д. Поуп подверг сомнению ценность всех этих сведений [26, 38—45]. Вслед за ним Шэнь Цун-вэнь указал, что приписывание Чжу Янем этого отрывка к «Гэ гу яо лунь» ошибочно и в действительности этот текст взят из сунского источника «Цзунь шэнь ба цзянь». Далее он подчеркивает, что это высказывание следует относить не к изделиям, расписанным кобальтом, а к изделиям типа инцин, т. е. к монохромному фарфору с глазурью с синим оттенком с подглазурным рельефным орнаментом [14, 41].

Подобным, если еще не более запутанным, является вопрос о фарфоре цинбай. Проблема правильного перевода этого термина обсуждается уже более ста лет со времен появления известной книги С. Жюльена «История и производство китайского фарфора». С. Жюльен переводит это выражение как «Vases blancs et bleus» [23, 85], С. Бушел — как «Greenish white celadon ware» [18, 179], и Д. Сайер — как «blue/green and white» [30, 40].

После авторитетных выступлений таких крупных специалистов, как П. Дэвид, П. Гобсон и Д. Поуп, укрепилось мнение, что этот термин

обозначает фарфор типа инцин [20, 52—53; 26, 43—44]. Казалось, что вопрос о правильном толковании этого термина решен окончательно. Однако несколько лет тому назад Чэнь Вань-ли вновь вернулся к этому вопросу. На основании анализа письменных источников XIII—XIV вв. он пришел к выводу, что термин «цинбай» — это лишь один из вариантов обозначения группы фарфоровых изделий, которые могут также быть описаны как «цинбайхуа» или «цинхуабай». Отсюда, по мнению Чэнь Вань-ли, термин «цинбай» обозначает не фарфор типа «инцин», а фарфор с росписью кобальтом [11]. Если придерживаться точки зрения Чэнь Вань-ли, то самое раннее упоминание об изделиях, расписанных кобальтом, относится к 1225 г.— времени написания книги «Чжунфань чжи», где впервые встречается этот термин. Если же придерживаться мнения западных исследователей, что термины «цинбай», обозначающий фарфор типа «инцин», и «цинхуа», обозначающий фарфор с росписью кобальтом, совершенно разные по смыслу, то упоминание о фарфоре с росписью кобальтом встречается впервые в книге «Гэ гу яо лунь», написанной в 1380 г., т. е. на 150 лет позднее.

Что касается второй группы источников — датированных памятников, то здесь твердых точек опоры для исследователя очень мало. Датировка вещей, находящихся в музейных и частных собраниях, осложняется отсутствием на них девизов годов правления — няньхао, которые появляются лишь в минский период со времени Сюаньдэ (1426—1435). Единственными исключениями являются две хорошо известные вазы из коллекции П. Дэвида с почитательными надписями, датированными 1351 г. Несмотря на значительные размеры археологических работ в КНР в 1949—1965 гг., не было обнаружено ни одной датированной могилы периодов Сун — начала Юань с фарфоровыми изделиями, расписанными кобальтом. Появившееся в 1955 г. сенсационное сообщение о находке фарфоровых изделий, расписанных кобальтом, в могиле времени Северной Сун оказалось ложным, и, по мнению многих исследователей, эти погребения следует датировать минским временем [7; 10; 13; 15].

Некоторые сведения дают исследования керамических печей. В последнее время на основании многочисленных изысканий была составлена сводная картина расположения керамических печей в средневековом Китае, уточнено время, когда ими пользовались, и определены типы выпускавшихся изделий. Согласно этим сведениям, точка зрения о возникновении техники подглазурной росписи кобальтом на севере Китая в Динчжоу не подтверждается. Единственные пункты, где были обнаружены ранние изделия, расписанные кобальтом, — это местечки Юйтянь и Сяньтянь близ Цзиндэчжэня, который, по-видимому, и был местом рождения этой новой для Китая техники. Там были обнаружены фрагменты фарфора, расписанного кобальтом и относящиеся к юаньскому времени. Фрагментов, точно датированных сунской эпохой, по-видимому, нет [8].

Имея столь ненадежные точки опоры, работа по датировке и выявлению ранних кобальтовых изделий происходила в основном по линии изучения стилистических особенностей орнамента, техники изготовления и форм сосудов. В этой связи важную роль сыграли работы Д. Поупа, изучавшего знаменитые Ардебильское и Стамбульское собрания [26; 27] Д. Гарнера, работавшего с европейскими коллекциями [21], и Сун Ин-чжоу, исследовавшего собрания в Китае [6]. В результате работы этих исследователей выявлено примерно 150 сосудов XIV в., расписанных кобальтом, установлены общие принципы орнаментации и техники.

В связи с вышесказанным изучение более пятисот фрагментов фар-

фора, расписанного кобальтом, из Хара-Хото имеет несомненно важное значение. До настоящего времени это единственная известная нам большая коллекция, связанная с памятником, имеющим твердо установленную датировку.

Эти изделия содержат много признаков, говорящих о становлении новой для мастеров Цзиндэчжэнь техники. В рассматриваемых фрагментах тесто имеет чаще всего в изломе желтоватый оттенок с большим количеством мелких зернышек, заметно отличаясь от изделий минского времени с более однородным белым тестом. Глазурь, часто с мелкими пузырьками, нанесена на сосуды неравномерно. В местах подтеков она имеет характерный зеленоватый цвет.

Одна из особенностей, характеризующих кобальтовые изделия юаньского времени, — это употребление при изготовлении сосудов большого числа секций, соединявшихся перед обжигом. Изнутри следы соединения слоев в отличие от минских сосудов хорошо заметны. Ножки и доньшки сосудов всегда не глазурованы. Глазурование ножек и доньшек сосудов, расписанных кобальтом, появляется лишь в XV в. На дне сосудов обычно видны концентрические линии — следы вращения сосуда на гончарном круге.

Вопросы, связанные с техникой росписи, также многочисленны. Центральный из них заключается в том, какой кобальт, привозной или местный, употребляли в Цзиндэчжэне мастера юаньского времени. В свою очередь, этот вопрос связан с более общей проблемой о возможности заимствования китайцами идеи росписи кобальтом керамических изделий с Ближнего Востока, где она существовала в течение длительного времени. Письменные источники по этому вопросу хранят полное молчание, и мы до настоящего времени вынуждены довольствоваться предположениями. Сведения о привозном кобальте встречаются лишь в письменных источниках XV—XVI вв. Название этого кобальта транскрибируется по-разному: сунибоцин, сумоницин, сунимоцин, субоницин, боцин, фотоуцин и, наконец, просто «мусульманская синяя краска» — «хойхойцин»¹.

Более ранних сведений, относящихся к монгольскому времени, о привозе в Китай кобальта письменные источники не сообщают. Этот вопрос в какой-то степени освещен в работе Сун Ин-чжоу. На основании многолетнего изучения ранних изделий, расписанных кобальтом, он пришел к заключению, что в монгольское время в Китае употребляли как местный, так и привозной кобальт. По его мнению, доля привозного кобальта составляла около половины [5].

Характерная особенность привозного кобальта — яркость тона. В то же время вследствие примеси железа и других материалов привозной кобальт дает часто нечеткий контур с неравномерной окраской от темно-ржавого до небесно-синего. Часто при разрыве глазури на поверхности заметны пятна цвета темного олова. Употребляя привозной кобальт, художники достигали эффекта яркости и пышности декора. Но вследствие нечеткости линии и ее неравномерной окраски этот кобальт не был пригоден для изображения мелких деталей. По сравнению с привозным местный кобальт не столь ярок и при наличии железа имеет темно-коричневый цвет. После обжига краски свободно плавают на поверхности и в отличие от привозного кобальта не спекаются. Достаточно часто один и тот же сосуд расписывался как местным, так и привозным кобальтом, чтобы разные краски дополняли и оттеняли друг друга.

¹ Имеется предположение, что сумоницин обозначал кобальт, доставляемый с о-ва Суматра, боцин с о-ва Пенанг и фотоуцин из Индии [4, 25].

Характерной особенностью рассматриваемого собрания является большое разнообразие оттенков кобальтовой раскраски. Мы можем наблюдать широкую гамму тонов от бледно-серого до ярко-синего и черного цветов. Этим харахотинские фрагменты заметно отличаются от более однотонных минских изделий XVI—XVII вв. Это разнообразие оттенков связано, вероятно, с первыми шагами мастеров, овладевавших новой для них техникой. Несомненно важное значение, как уже говорилось выше, имело происхождение употребляемого кобальта.

На ряде изделий можно видеть соединение двух различных приемов орнаментации: подглазурная роспись кобальтом и подглазурный рельефный орнамент по ангобу. В нашей коллекции это явление характерно для изделий высокого качества. Обычно это чашечки-вань с тонкими стенками и слегка голубоватой глазурью, где кобальтовый и рельефный орнаменты дополняют друг друга. Такое соединение двух различных приемов орнаментации встречается лишь на ранних кобальтовых изделиях и, вероятно, вскоре прекращается [16]². Наличие на некоторых ранних сосудах, расписанных кобальтом, подглазурного рельефного орнамента дало основание исследователям считать, что кобальтовый фарфор генетически связан с фарфором типа «кинцин» или родственным ему шуфу, изготовлявшихся в печах Цзиндэчжэня в XI—XIII вв.

На нескольких фрагментах больших толстостенных сосудов наблюдается любопытный технический прием: мастер, для того чтобы выделить прожилки на цветах или листьях, перед наложением кобальтовой краски процарапывал тесто. В результате в процарапанных местах получался более плотный и темный цвет. Вероятно, этот прием употреблялся лишь в период становления техники росписи кобальтом в подражание изделиям типа «цычжоу» и вскоре был оставлен.

Д. Поуп по материалам Ардебильского и Стамбульского собраний считает, что для кобальтовых изделий XIV в. характерна роспись резервом [26, 65—69]. Харахотинская коллекция оспаривает это утверждение. Роспись резервом наблюдается лишь на нескольких фрагментах. Можно предположить, что малое количество подобных вещей было связано с дороговизной кобальта, который либо привозился издалека, либо при добыче на месте требовал тщательной очистки.

Большая часть керамики из Хара-Хото состоит из небольших черепков, поэтому для изучения форм сосудов может дать сравнительно немного. Тем не менее то, что удалось выяснить, представляет интересную и в некоторых отношениях новую картину.

Среди кобальтовых изделий, привезенных из Хара-Хото, главное место занимают чаши диаметром 14—15 см с отогнутыми наружу краями, на невысокой круглой ножке диаметром 5—7 см, а также чаши с ровными, иногда фестончатыми краями, диаметром в среднем 15—18 см, достигающим до 22 см. Обломки сосудов этих типов составляют более половины изделий, расписанных кобальтом (примерно 235 фрагментов из рассмотренных 430, т. е. более 54%). Наряду с фрагментами больших чаш среди кобальтовых изделий встречаются и фрагменты чашечек-вань типа пиал с тонкими стенками (0,2 см) и диаметром по горлу 9—11 см. Таких изделий немного, и они занимают не более 3% общего количества (12 фрагментов).

Значительную группу (24% — 105 фрагментов) составляют бутылевидные сосуды и флаги. На основании существующего материала дать

² Б. Грэй считает, что это явление характерно лишь для первой половины XIV в. [22].

четкую классификацию форм в этой группе очень трудно. Можно выделить сосуды с туловом, близким к шаровидному, и с длинным горлом, часто с кольцевидными утолщениями и небольшим раструбом. Иногда горло бывает фестончатое. Часто встречаются фрагменты тыквообразного сосуда — хулу, иногда круглого в сечении, иногда ребристого, диаметром 15—18 см. Характерным признаком сосудов этой группы является высокая ножка диаметром 4,5—8 см. С внутренней стороны ножка сосуда чаще всего выше, чем с наружной (соответственно 2 и 1,5 см).

В единственном экземпляре в коллекции представлен фрагмент плоской фляги, прямоугольной в сечении, с покатыми плечиками и маленькими ручками.

Фрагменты больших ваз типов мэпинь и гуань сравнительно многочисленны. Они составляют не более 8% (34 фрагмента). Эти сосуды диаметром тулова 23—28 см имеют толстые (до 2 см) стенки. У сосудов невысокая полукруглая в разрезе ножка диаметром примерно 15 см. У одного из фрагментов дно сосуда вырезано.

В рассматриваемой коллекции фрагменты блюд составляют не более 2% (8 образцов). В этой небольшой группе представляет интерес фрагмент блюда диаметром 24 см на невысокой прямоугольной в сечении ножке. Блюдо очень мелкое, и изгиб бортика почти незаметен. В отличие от известных нам ранних блюд XIV в. оно не имеет отогнутого края, а лишь утолщение.

Как единичные образцы встречаются фрагменты блюдец диаметром 8—15 см. Среди них можно упомянуть блюда с отходящим наружу невысоким бортиком с отогнутым ровным, иногда фестончатым или ребристым краем. Встречаются фрагменты блюдец с невысоким перпендикулярным бортиком.

Характерным признаком харахотинской коллекции служит наличие сравнительно большого числа фрагментов маленьких сосудов и флаконов разнообразных форм. Среди них необходимо упомянуть небольшие сосуды с шаровидными туловом диаметром 8 см без ножки и слегка расширяющимся кверху горлышком. Число фрагментов таких сосудов достигает 7% общего количества (30 образцов).

Другие типы флаконов, представленные единичными экземплярами, — это квадратный в сечении, слегка суживающийся книзу, с круглым, слегка расширяющимся горлышком высотой 3,5 см.

Встречаются небольшие сосуды с ребристым туловом диаметром 8—9 см, слегка суживающиеся кверху; иногда с крышкой. Имеются и фрагменты сосудов с формой, близкой к шаровидной, диаметром 6—7 см, с выемкой по краю, вероятно, для крышки.

Единичным экземпляром представлена шестигранная подставка диаметром 9,5 см со следами ножек сосуда, вероятно курильницы (24, каталог, № 9).

Сравнивая формы кобальтовых изделий из Хара-Хото с формами сосудов из известных нам собраний, можно установить значительную разницу между ними. Главное место в таких значительных собраниях, как Стамбульское и Ардебильское, занимают большие блюда диаметром 40—50 см с крутыми бортиками и горизонтально отходящими краями. Далее по численности идут вазы гуань и мэпин, затем бутылевидные и тыквообразные сосуды — хулу и лишь за ними чаши [9].

Столь значительная разница в соотношении различных форм сосудов, отличающая харахотинские находки от состава известных нам коллекций, может быть объяснена несколькими причинами. Кобальтовые изделия из Хара-Хото, представляющие собой археологический материал, вероятно дают подлинное соотношение различных типов кобаль-

товой продукции Цзиндэжэня, бытовавших в провинциальном городе юаньского времени. Преобладание в западных коллекциях, и прежде всего в Стамбуле и Ардебиле, больших блюд и ваз, как это уже было отмечено Д. Поупом, свидетельствует лишь о том, что эти вещи были основными предметами экспорта из Китая. Кроме того, за шестьсот лет, прошедших после падения Юаньской династии, большая часть мелких хрупких изделий могла совершенно исчезнуть. Этим можно объяснить большое число фрагментов маленьких сосудиков, флаконов и блюдец в Хара-Хото, по-видимому совершенно не представленных в современных собраниях.

Набор орнаментальных мотивов (так называемая «грамматика декора», по выражению Б. Карлгрена) для ранних кобальтовых изделий XIV в. на материалах стамбульской и ардебильской коллекций рассматривался в вышеупомянутых работах Д. Поупом, по западным собраниям — Д. Гарнером, по китайским — Сун Ин-чжоу и по японским — К. Сайто [28].

Возникновение техники подглазурной росписи кобальтом было качественно новым этапом в развитии китайского фарфора. Мастера Цзиндэжэня осваивали новые приемы, связанные с многочисленными техническими трудностями. Как уже упоминалось ранее, привозной кобальт, обладая яркостью тона и плотностью окраски, после обжига часто расплывался, выходя за пределы рисунка или давая многочисленные точки — характерный признак многих кобальтовых изделий юаньского времени. Эти технические причины, вероятно, заставляли избегать сложных сюжетных сцен с людьми, столь характерных для минского времени.

Признаком, присущим юаньским изделиям с росписью кобальтом и хорошо иллюстрируемым материалом из Хара-Хото, является стремление помещать на сосудах большее число орнаментальных лент. Эти ленты, более широкие на тулове и узкие на горле и ножках сосуда, часто почти не оставляют свободного пространства. Число таких лент на некоторых сосудах достигает восьми.

Орнаментальных композиций на кобальтовых изделиях из Хара-Хото немного. Можно упомянуть мандаринских уток в пруду, заросшем цветами, букет цветов, перевязанных развевающейся лентой, драконов или фениксов среди облаков. Чаще всего орнаментальные ленты заполнены растительными или геометрическими мотивами.

Растительные мотивы составляют большую часть орнаментальных элементов рассматриваемой керамической группы. Господствующее положение среди них занимает лотос. Вариантов его изображения множество: от натуралистически изображенных растений, растущих в пруду, до сильно стилизованных завитков, заполняющих бордюры. Часто встречается и пион. Ветки пиона с пышными цветами рисуются на тулове больших ваз, помещаются в орнаментальных лентах и ламбрекенах. Далее можно упомянуть камелию, хризантему, виноград, водяную лилию, водяной орех, иву и стилизованный пятилепестковый цветок. В бордюрах сосудов часто помещены цветы цзывэй и шэгань. В изображении растительных мотивов наблюдается одна характерная деталь. Листья рисуются только анфас, и художник часто, рисуя цветы и листья, оставляет места, не заполненные краской.

Животный мир на кобальтовых изделиях из Хара-Хото не отличается большим разнообразием. Чаще всего встречаются мандаринские утки. Рисуются они в разной степени стилизации: от тщательно переданных птиц, плавающих на воде, до стилизованных изображений в форме запятых. Нередко встречается дракон, обычно парящий среди облаков. У него длинное змеевидное туловище и трехпалая лапа. Иног-

да на изделиях более низкого качества чешуя дракона передается сеткой. Фениксы обычно показаны парами, подобно драконам, в полете среди стилизованных облаков. Тело у них, как и у драконов, покрыто чешуей. Это перечисление можно закончить упоминанием о цилине и льве, частично сохранившиеся изображения которых встречаются на двух фрагментах.

Из геометрических элементов самый распространенный — это так называемый стилизованный лист лотоса. Внутри него обычно помещена спираль или стилизованный листок с пятнышком или благие вещи символы (огненный язык, коралловая ветвь и т. д.). На туловах крупных сосудов часто изображен ламбрекен, обычно заполненный растительными мотивами. На дне нескольких чаш можно видеть ваджру. По краю часто рисуются пояски из овалов, меандров, завитков и стилизованных облаков. Часто употребляются и различные типы стилизованных волн: так называемый панцирь черепахи и стилизованные волны.

Необходимо сказать еще несколько слов о подглазурном рельефном орнаменте, соединенном на нескольких фрагментах с росписью кобальтом. На этих фрагментах видны облачные завитки и дракон с трехпалой лапой. На одном из них внутри стилизованного лепестка помещен иероглиф «юй» — нефрит. Это единственный иероглиф, введенный в орнаментацию этой значительной группы керамики из Хара-Хото.

Орнаментальные мотивы рассматриваемой группы в своей основной части относятся к широко распространенным традиционным элементам китайского искусства, наполненным глубокой символикой. Это прежде всего относится к таким древним благопожелательным символам, как дракон, феникс и цилинь, широко бытовавшим с глубокой древности. Сюда же можно отнести и льва — теме, распространенной в китайском искусстве еще за много веков до создания рассматриваемой керамики. Сцена с мандаринскими уточками в лotosовом пруду навеяна, вероятно, живописными образцами. Символика изображения мандаринских уточек юаньяня, означающая пожелание счастливого брака, была хорошо известна в Китае со времени раннего средневековья. Обычно уточки юаньяня рисовались и ассоциировались с лotosами, так как и те и другие, находясь в мутной воде, остаются девственно чистыми.

Столь же традиционно изображены цветы. Это прежде всего относится к лotosу — растению, посвященному самой разнообразной символике. Сохраняя свою философскую и религиозную значимость, он употреблялся и как благопожелательный символ лета. Традиционны и два других широко распространенных цветка — пион, связывающийся с осенью, и хризантема — с весной. Символическую нагрузку несут виноград, выражающий идею плодородия, и ива.

Некоторые из геометрических элементов отражают архаичную тенденцию, широко распространенную в китайском орнаментальном искусстве, начиная с сунского времени. Это относится к таким элементам, как меандр и пояска из овалов, копирующих декор древних бронзовых сосудов. Традиционным элементом в орнаментальном искусстве является и ламбрекен, связанный с древней космогонией и орнаментикой бронзовых зеркал [19]. Такие символы, как коралловая ветвь и языки пламени, часто встречались в средневековой орнаментике. Элементов, взятых из буддийского культового искусства, в росписи кобальтом немного. Можно упомянуть лишь ваджру — древний символ грома и света [29, 184—186]. Несомненный интерес для исследователя представляют различные типы стилизованных волн, характерные лишь для росписей юаньского времени.

Для рассматриваемой группы типичны смелые, часто грубоватые линии. В стиле отсутствует изысканность и изощренность, характерная для кобальтовых росписей более позднего времени. Найденные фрагменты относятся ко времени сложения основных методов и приемов, которые в дальнейшем развивались и совершенствовались.

Различные элементы орнамента позволяют установить возможную связь декора с живописью, тканями и ювелирными изделиями того времени.

При сравнении керамики из Хара-Хото с керамикой, найденной советско-монгольской археологической экспедицией в Каракоруме и ныне хранящейся в Эрмитаже, выявляется одно существенное различие: изделия, расписанные кобальтом, составляют, как уже говорилось выше, более четверти всей харахотинской керамики, в то время как в Каракоруме было найдено всего лишь несколько фрагментов [2, 248—249]. Это явление объяснить очень трудно. Можно лишь предположить, что находки из Хара-Хото в своей большей части относятся к XIV в.— времени, когда Каракорум давно перестал быть столицей империи и потерял свое важное значение. Что касается находок из Каракорума, то они, по всей вероятности, в основном относятся к XIII в.— периоду его расцвета. Таким образом, отсутствие кобальтовых изделий в Каракоруме может служить дополнительным подтверждением точки зрения, что производство кобальтовых изделий в большом количестве началось после 1300 г.

Надо надеяться, что изучение и публикация этой уникальной коллекции сможет продвинуть вперед наше представление об одном из самых сложных вопросов истории китайского фарфора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дай Си-чжан, Сися цзи, Пекин, 1924 (на кит. яз.).
2. Евтухова Л. А. Керамика Каракорума,— сб. «Древнемонгольские города», М., 1965.
3. Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, М., 1948.
4. Кочетова С. М. Фарфор и бумага в искусстве Китая, М.—Л., 1958.
5. Сун Ин-чжоу, Во дуй цзаоци цинхуа Юаньляоды чутоканьфа (на кит. яз.),— «Вэньу», 1959, № 11.
6. Сун Ин-чжоу, Юань Мин Цин цыциды цзяньдин (на кит. яз.),— «Вэньу», 1965, № 1.
7. Фу Ян, Гуаньюй Гуаньчжоу гуму цинхуа цюоухоаньды дай вэньтиды шанцзюэ (на кит. яз.),— «Вэньу», 1956, № 6.
8. Фэн Сянь-мин, Синь Чжунго таоцы каогуды чжужао шоухо (на кит. яз.),— «Вэньу», 1965, № 9, 1966, № 3.
9. Фэн Сянь-мин, Юаньдай цинхуа цыци (на кит. яз.),— «Вэньу», 1969, № 9.
10. Хуан Вэнь-куань, «Гуаньчжоу Бэйсунму цзяньбао» пучун шомин (на кит. яз.),— «Вэньу», 1957, № 1.
11. Чэнь Вань-ли, Во дуй «цинбайцыци» ды каньфа (на кит. яз.),— «Вэньу», 1959, № 6.
12. Чэнь Вань-ли, Чжунго лидай шоухо цыциды Чэнцзю юй тедянь (на кит. яз.),— «Вэньу», 1963, № 6.
13. Шоу Минь-хао, Воэньдуй цзюэлунь Гуаньчжоу сяо Бэйсунму фань чутоу цинхуа цыцюань няньдай вэньти и цзянь (на кит. яз.),— «Вэньу», 1957, № 1.
14. Шэнь Цун-вэнь, Лунь фэн ишу, Пекин, 1959 (на кит. яз.).
15. Ян Ю-цзянь, Тань Гуаньчжоу сяо Бэйсунму шилунь (на кит. яз.),— «Вэньу», 1957, № 1.
16. Ayers J. Chinese Blue-and-White in the Museum of Eastern Art, Oriental Art, 1951, vol. III, № 4.
17. Bushell S. Oriental Ceramic Art,— Collection of W. T. Walters, New York, 1899.
18. Bushell S. Description of Chinese Pottery and Porcelain, Being a Translation of the Taoshuo, Oxford, 1910.
19. Samman S. China dragon robes, New York, 1952.
20. David P. Ying-ch'ing a plea for better item, Oriental Art, 1955, vol. I, № 2.

21. Garner H. *Oriental Blue-and-White*, London, 1954.
22. Gray B. *Chinese Porcelain of the Fourteenth Century III ch'ing-pai*,— *The British Museum Quarterly*, 1962, vol. XXV, № 1—2.
23. Julien S. *Histoire et fabrication de la porcelaine Chinoise*, Paris, 1856.
24. Ming, *Blue-and-White*, *Philadelphia Museum Bulletin*, vol. XLIV, № 223, Autumn, 1949.
25. Ozaki W. *Chinese literature on ceramics*, *Oriental Art*, 1957, vol. III, № 1.
26. Pope J. A. *Chinese Porcelain from the Ardebil Shrine*, Washington, 1956.
27. Pope J. A. *Fourteenth century blue-and white, a group of chinese Porcelains in the Topkapu Sarayi Muzese, Istanbul*, Washington, 1958.
28. Saito K. *The Yuan Blue-and-White and the Yuan Drame in the Middle of 14th century*, ко: бидзюцу, 1967, № 19.
29. Saunders E. D. *Mudra. A Study of Symbolic gestures of Japanese Buddhist sculpture*, New York, 1960.
30. Sayer J. *Ching-te-chen tao lu*, London, 1951.
31. Sommarstrom B. *Archaeological researches in the Edsengol region Inner Mongolia*, pt 1—2, Stockholm, 1956, 1958.
32. Stein A. *Innermost Asia*, vol. II, Oxford, 1928.